

191	0159-01	ИОСИФ БРОДСКИЙ	"Чистосердечный дар"	Часть 1 «Меж голосом и эхом»
192	0159-02	ИОСИФ БРОДСКИЙ	"Чистосердечный дар"	Часть 2 "В темноте"
193	0159-03	ИОСИФ БРОДСКИЙ	"Чистосердечный дар"	Часть 3 "Рождественский гусь"
194	0159-04	ИОСИФ БРОДСКИЙ	"Чистосердечный дар"	Часть 4 "Для суетности века"

Часть 4 «ДЛЯ СУЕТНОСТИ ВЕКА»

1(75). Я как Улисс	- 1.57
2(76). Вокзал	- 1.22
3(77). Уезжающему	- 1.43
4(78). Родному городу	- 1.19
5(79). Прощай, мой сад!	- 2.48
6(80). Уход	- 1.21
7(81). Нить	- 1.26
8(82). Отъезд	- 1.14
9(83). Вполголоса	- 1.17
10(84). Крик в Шереметьево	- 1.15
11(85). В самолете	- 1.17
12(86). Эх, метёт, метёт	- 2.22
13(87). Безумное зеркало	- 1.48
14(88). Великое пламя	- 1.39
15(89). Моя Итака	- 1.10
16(90). Четверть века спустя	- 2.30
17(91). Для суетности века	- 1.48
18(92). Хорошо бы	- 1.41
19(93). Звони по мне	- 2.55
20(94). Чистосердечный дар	- 1.37
21(95). Моя свеча	- 1.25
22(96). Прощание	- 1.32
23(97). Перед пределом	- 1.31
24(98). На титульном листе	- 1.06
25(99). Подтверждение	- 1.19
26(100). Сохрани мою тень	- 5.04
27(101). Россия	- 2.16

Общее время звучания – 48.42

Общее время звучания – 179.32

СОДЕРЖАНИЕ

1. Я КАК УЛИСС

Зима, зима, я еду по зиме,
куда-нибудь по видимой отчизне,
гони меня, ненастье, по земле,
хотя бы вспать, гони меня по жизни.

Ну, вот Москва и утренний уют
в арбатских переулках парусинных,
и чужаки по-прежнему спуют
в январских освещенных магазинах.

И желтизна разрозненных монет,
и цвет лица криптоновый все чаще,
гони меня, как новый Ганимед

хлебну зимой изгнаннической чаши

и не пойму, откуда и куда
я двигаюсь, как много я теряю
во времени, в дороге повторяя:
ох, Боже мой, какая ерунда.

Ох, Боже мой, не многого прошу,
ох, Боже мой, богатый или нищий,
но с каждым днем я прожитым дышу
уверенней и сладостней и чище.

Мелькай, мелькай по сторонам, народ,
я двигаюсь, и, кажется отратно,
что, как Улисс, гоню себя вперед,
но двигаюсь по-прежнему обратно.

Так человека встречного лови
и все тверди в искусственном порыве:
от нынешней до будущей любви
живи добрей, страдай неприхотливей.

2. ВОКЗАЛ

Я выпил газированной воды
под башней Белорусского вокзала
и оглянулся, думая, куда
отсюда бросить кости. Вылезала
из-за домов набрякшая листва.
Из метрополитеновского горла
сквозь турникеты масса естества,
как черный фарш из мясорубки, перла.
Чугунного Максимыча спина
маячила, жужжало мото-вело,
неслись такси, грузинская шпана,
вцепившись в розы, бешено ревела.
Из-за угла несло нашатырем,
лаврентием и средствами от зуда.
И я был чужд себе и четырем
возможным направлениям отсюда.
Красавица уехала. Ни слез,
ни мыслей, наступающих подругу.
Огни, столпотворение колес,
пригодных лишь к движению по кругу.

3. УЕЗЖАЮЩЕМУ

Уже три месяца подряд
под снегопад с аэродрома
ты едешь в черный Петроград,
и все вокруг тебе знакомо.
И все жива в тебе Москва,
и все мерещится поспешно
замоскворецкая трава,
замоскворецкие скворешни.

Летит автобус в декабре,
но все по-прежнему печальный
стоит в обшарпанном дворе
мой брат, мой родственник недалний,
и трубный голос слышу я
и, как приказу, повинуюсь.
Прошла ли молодость твоя.

Прошла, прошла. Я не волнуюсь.
Отъездом в дальние края,
отлетом в близкую отчизну
трехчасового забытья
предвижу медленную тризну
и повторяю: не забудь.
Пускай не преданность, а верность
храни в себе кому-нибудь
и новой родины поверхность
под освещением косым
люби, куда б ни закатился,
и вспоминай ее, как сын,
который с братьями простился.

4. РОДНОМУ ГОРОДУ

Да не будет дано
умереть мне вдали от тебя,
в голубиных горах,
кривоногому мальчику вторя.
Да не будет дано
и тебе, облака торопя,
в темноте увидеть
мои слезы и жалкое горе.

Пусть меня отпоет
хор воды и небес, и гранит
пусть обнимет меня,
пусть поглотит,
сей шаг вспоминая,
пусть меня отпоет,
пусть меня, беглеца, осенит
белой ночью твоя
неподвижная слава земная.

Все умолкнет вокруг.
Только черный буксир закричит
посредине реки,
исступленно борясь с темнотою,
и летящая ночь
эту бедную жизнь обручит
с красотой твоей
и с посмертной моей правотою.

5. ПРОЩАЙ, МОЙ САД!

О, как ты пуст и нем! В осенней полумгле

сколь призрачно царит прозрачность сада,
где листья приближаются к земле
великим тяготением распада.

О, как ты нем! Ужель твоя судьба
в моей судьбе угадывает вызов,
и гул плодов, покинувших тебя,
как гул колоколов, тебе не близок?

Великий сад! Даруй моим словам
стволов кружение, истины кружение,
где я бреду к изогнутым ветвям
в паденье листьев, в сумрак возрождения.

О, как дожить до будущей весны
твоим стволам, душе моей печальной,
когда плоды твои унесены
и только пустота твоя реальна.

Нет, уезжать! Пускай куда-нибудь
меня влекут громадные вагоны.
Мой дольний путь и твой высокий путь —
теперь они тождественно огромны.

Прощай, мой сад! Надолго ль?.. Навсегда.
Храни в себе молчание рассвета,
великий сад, роняющий года
на горькую идиллию поэта.

6. УХОД

К намокшим вывескам свисая,
листва легка, листва легка,
над Мойкой серые фасады
клубятся, словно облака,

твой день бежит меж вечных хлопот,
асфальта шорох деловой,
свистя под нос, под шум и грохот,
съезжает осень с Моховой,

взгляни ей вслед и, если хочешь,
скажи себе — печаль бедна,
о, как ты искренне уходишь,
оставив только имена

судьбе, судьбе или картине,
но меж тобой, бредущей вслед,
и между пальцами моими
все больше воздуха и лет,

продли шаги, продли страдания,
пока кружится голова

и обрываются желанья
в душе, как новая листва.

7. НИТЬ

Из ваших глаз пустившись в дальний путь,
все норовлю – воистину вдали! –
увидеть вас, хотя назад взглянуть
мешает закругление земли.

Нет, выпуклость холмов невелика.
Но тут и обрывается пучок,
сбегающий с хрустального станка
от Ариадны, вкравшейся в зрачок.

И, стало быть, вот так-то, вдалеке,
обрывок милый сжав в своей руке,
бреду вперед. Должно быть, не судьба
нам свидеться – и их соединить,
хотя мой путь, верней, моя тропа
сужается и переходит в нить.

8. ОТЪЕЗД

Отъезд. Вот памятник неровный
любви, памятник себе,
вокзал, я брошенный любовник,
я твой с колесами в судьбе.

Скажи, куда я выезжаю
из этих плачущихся лет,
мелькнет в окне страна чужая,
махнет деревьями вослед.

Река, и памятник, и крепость, -
все видишь сызнаво во сне,
и по Морской летит троллейбус
с любовью в запертом окне.

И нет на родину возврата,
одни страдания верны,
за петербургские ограды
обиды как-нибудь верни.

Ты все раздашь на зимних скамьях
по незнакомым городам
и скормишь собранные камни
летейским жадным воробьям.

9. ВПОЛГОЛОСА

Вполголоса — конечно, не во весь —
прощаюсь навсегда с твоим порогом.
Не шелохнется град, не встрепенется весь
от голоса приглушенного. С Богом!
Перед тобой — окраины в дыму,
простор болот, вечерняя прохлада.

Я не преграда взору твоему,
 словам твоим печальным — не преграда.
 И что оно — отсюда не видать.
 Пучки травы... и лиственниц убранство...
 Тебе не в радость, мне не в благодать
 безлюдное, доступное пространство.

10. КРИК В ШЕРЕМЕТЬЕВО

Что ты плачешь, распротысь с паровозом.
 Что ты слушаешь гудки поездные.
 Поклонись аэродромным березам,
 голубиному прогрессу России.
 Что ты смотришь все с печалью угрюмой
 на платочек ее новый, кумашный.
 Поклонись этой девочке юной,
 этой девочке, веселой и страшной.

Что ей стоит нас любить и лелеять.
 Что ей стоит поберечь нас немного.
 Кто ей, сильной, заперечить посмеет.
 Только ждет она кого-то другого!
 Ничего! Ей не грозит перестарок.
 Не гожусь ей в сыновья, а уж рад бы...
 Посылаю ей все слезы в подарок,
 потому что не дожить мне до свадьбы.

11. В САМОЛЕТЕ

Самолет летит на Восток,
 расширяя круг тех мест —
 от страны к другой стране, —
 где тебя не встретить мне.

Обгоняя дни, года,
 тенью крыльев «никогда»
 на земле и на воде
 превращается в «нигде».

Эта боль сильнее, чем та:
 слуху зренье не чета,
 ибо время — область фраз,
 а пространство — пища глаз.

На лесах, полях, жилые,
 точно метка — на белье,
 эта тень везде — хоть плачь
 оттого, что просто зряч.

Частокол застав, границ —
 что горе воззреть, что ниц, —
 как он выглядит с высот,
 лепрозорий для двухсот
 миллионов?

12. ЭХ, МЕТЁТ, МЕТЁТ

Снег идет — идет уж который день.
 Так метет, хоть черный пиджак надень.
 Городок замело. Не видать полей.
 Так бело, что не может быть белей.

Или — может: на то и часы идут.
 Но минут в них меньше, чем снега тут.
 По ночам темнота, что всегда была
 непроглядна, и та, как постель, бела.

Набери, дружок, этой вещи в горсть,
 чтоб прикинуть, сколько до Бога верст.
 Знать, не зря пейзаж весь январь молил —
 и дошло! — насчет даровых белил.

Будто вдруг у земли, что и так бедна,
 под конец оказалась всего одна
 сторона лица, одна щека.
 На нее и пошли всех невест шелка.

Сильный снег летит с ледяной крупой.
 Знать, всю разгулялся лихой слепой.
 И чего ни коснется он, то само
 превращается на глазах в бельмо.

Хоть, приемник включить, чтоб он песни пел.
 А не то тишина и сама — пробел.
 А письмо писать — вид бумаги пыл
 остужает как дверь, что прикрыть забыл.

И раздеться нельзя догола, чтоб лечь.
 Не рубаха бела, а покатошь плеч.
 Из-за них, поди, и идут полки
 на тебя в стекле, закатив белки.

Эх, метет, метет. Не гляди в окно.
 Там подарка ждет милосердный, но
 мускулистый брат, пеленая глушь
 в полотнице цвета прощенных душ.

13. БЕЗУМНОЕ ЗЕРКАЛО

Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря,
 дорогой, уважаемый, милая, но не важно
 даже кто, ибо черт лица, говоря
 откровенно, не вспомнить уже, не ваш, но
 и ничей верный друг вас приветствует с одного
 из пяти континентов, держащегося на ковбоях;
 я любил тебя больше, чем ангелов и самого,
 и поэтому дальше теперь от тебя, чем от них обоих;
 поздно ночью, в уснувшей долине, на самом дне,
 в городке, занесенном снегом по ручку двери,
 извиваясь ночью на простыне —

как не сказано ниже по крайней мере —
 я взбиваю подушку мычащим «ты»
 за морями, которым конца и края,
 в темноте всем телом твои черты,
 как безумное зеркало повторяя.

14. ВЕЛИКОЕ ПЛАМЯ

Сжимающий пайку изгнанья
 в обнимку с гремучим замком,
 прибыв на места умиранья,
 опять шевелю языком.
 Сияние русского ямба
 упорней — и жарче огня,
 как самая лучшая лампа,
 в ночи освещает меня.
 Перо поднимаю насилу,
 и сердце пугливо стучит.
 Но тень за спиной на Россию,
 как птица на рощу, кричит,
 да гордое эхо рассеян
 засело по грудь в белизну.
 Лишь ненависть с Юга на Север
 спешит, обгоняя весну.
 Сжигаемый кашлем надсадным,
 все ниже склоняясь в ночи,
 почти обжигаюсь. Тем самым
 от смерти подобье свечи
 собой закрываю упрямо,
 как самой последней стеной.
 И это великое пламя
 колеблется вместе со мной.

15. МОЯ ИТАКА

Воротиться сюда через двадцать лет,
 отыскать в песке босиком свой след.
 И поднимет барбос лай на весь причал
 не признаться, что рад, а что одичал.

Хочешь, скинь с себя пропотевший хлам;
 но прислуга мертва опознать твой шрам.
 А одну, что тебя, говорят, ждала,
 не найти нигде, ибо всем дала.

Твой пацан подрос; он и сам матрос,
 и глядит на тебя, точно ты — отброс.
 И язык, на котором вокруг орут,
 разбирать, похоже, напрасный труд.

То ли остров не тот, то ли впрямь, залив
 синевой зрачок, стал твой глаз брезглив:
 от куска земли горизонт волна
 не забудет, видать, набегая на.

16. ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ

Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером
подышать свежим воздухом, веющим с океана.
Закат догорал на галерке китайским веером,
и туча клубилась, как крышка концертного фортепьяно.

Четверть века назад ты питала пристрастие к люля и к финикам,
рисовала тушью в блокноте, немножко пела,
развлекалась со мной; но потом сошлась с инженером-химиком
и, судя по письмам, чудовищно поглупела.

Теперь тебя видят в церквях в провинции и в метрополии
на панихидах по общим друзьям, идущих теперь сплошной
чередой; и я рад, что на свете есть расстоянья более
немыслимые, чем между тобой и мною.

Не пойми меня дурно: с твоим голосом, телом, именем
ничего уже больше не связано. Никто их не уничтожил,
но забыть одну жизнь, человеку нужна, как минимум,
еще одна жизнь. И я эту долю прожил.

Повезло и тебе: где еще, кроме разве что фотографии,
ты пребудешь всегда без морщин, молода, весела, глумлива?
Ибо время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправии.
Я курю в темноте и вдыхаю гнилье отлива.

17. ДЛЯ СУЕТНОСТИ ВЕКА

Нет, мы не стали глуше или старше,
мы говорим слова свои, как прежде,
и наши пиджаки темны все так же,
и нас не любят женщины все те же.

И мы опять играем временами
в больших амфитеатрах одиночеств,
и те же фонари горят над нами,
как восклицательные знаки ночи.

Живем прошедшим, словно настоящим,
на будущее время не похожим,
опять не спим и забываем спящих
и так же дело делаем все то же.

Храни, о юмор, юношей веселых
в сплошных круговоротах тьмы и света
великими для славы и позора
и добрыми – для суетности века.

18. ХОРОШО БЫ

Ни тоски, ни любви, ни печали,
ни тревоги, ни боли в груди,
будто целая жизнь за плечами

и всего полчаса впереди.

Оглянись - и увидишь наверно:
в переулке такси тарахтят,
за церковной оградой деревья
над ребенком больным шелестят,

из какой-то неведомой дали
засвистит молодой постовой,
и бессмысленный грохот рояля
поплывет над твоей головой.

Не поймешь, но почувствуешь сразу:
хорошо бы пяти куполам
и пустому теперь диабазу
завещать свою жизнь пополам.

19. ЗВОНИ ПО МНЕ

Бессмертия у смерти не прошу.
Испуганный, возлюбленный и нищий, -
но с каждым днем я прожитым дышу
уверенней и сладостней и чище.

Как широко на набережных мне,
как холодно и ветрено и вечно,
как облака, блестящие в окне,
надломленны, легки и быстротечны.

И осенью и летом не умру,
не всколыхнется зимняя простынка,
взгляни, любовь, как в розовом углу
горит меж мной и жизнью паутинка.

И что-то, как раздавленный паук,
во мне бежит и странно угасает.
Но выдохи мои и взмахи рук
меж временем и мною повисают.

Да. Времени – о собственной судьбе
кричу все громче голосом печальным.
Да. Говорю о времени себе,
но время мне отвечает молчаньем.

Лети в окне и вздрагивай в огне,
слетай, слетай на фитилечек жадный.
Свисти, река! Звони, звони по мне,
мой Петербург, мой колокол пожарный.

Пусть время обо мне молчит.
Пускай легко рыдает ветер резкий
и над моей могилою еврейской
младая жизнь настойчиво кричит.

20. ЧИСТОСЕРДЕЧНЫЙ ДАР

Волхвы забудут адрес твой.
 Не будет звезд над головой.
 И только ветра сиплый вой
 расслышишь ты, как встарь.
 Ты сбросишь тень с усталых плеч,
 задув свечу, пред тем как лечь.
 Поскольку больше дней, чем свеч,
 сулит нам календарь.

Что это? Грусть? Возможно, грусть.
 Напев, знакомый наизусть.
 Он повторяется. И пусть.
 Пусть повторится впредь.
 Пусть он звучит и в смертный час,
 как благодарность уст и глаз
 тому, что заставляет нас
 порою вдаль смотреть.

И молча глядя в потолок,
 поскольку явно пуст чулок,
 поймешь, что скупость – лишь залог
 того, что слишком стар.
 Что поздно верить чудесам.
 И, взгляд подняв свой к небесам,
 ты вдруг почувствуешь, что сам —
 чистосердечный дар.

21. МОЯ СВЕЧА

Моя свеча, бросая тусклый свет,
 в твой новый мир осветит бездорожье.
 А тень моя, перекрывая след,
 там, за спиной, уходит в царство Божье.
 И где б ни лег твой путь: в лесах, меж туч —
 везде живой огонь тебя окликнет.
 Чем дальше ты уйдёшь, тем – дальше луч,
 тем дальше луч и тень твоя проникнет!
 Пусть далека, пусть даже не видна,
 пусть изменив — назло стихам-приметам, —
 но будешь ты всегда озарена
 пусть слабым, но неповторимым светом.
 Пусть гаснет пламя! Пусть смертельный сон
 огонь предпочитает запустенью.
 Но новый мир твой будет потрясен
 лицом во тьме и лучезарной тенью.

22. ПРОЩАНИЕ

То не Муза воды набирает в рот.
 То, должно, крепкий сон молодца берет.
 И махнувшая вслед голубым платком
 наезжает на грудь паровым катком.

И не встать ни раком, ни так словам,

как назад в осиновый строй дровам.
И глазами по наволочке лицо
растекается, как по сковороде яйцо.

Горячей ли тебе под сукном шести
одеял в том садке, где — Господь прости —
точно рыба — воздух, сырой губой
я хватал что было тогда тобой?

Я бы заячьи уши пришил к лицу,
наглotalся б в лесах за тебя свинцу,
но и в черном пруду из дурных коряг
я бы всплыл пред тобой, как не смог «Варяг».

Но, видать, не судьба, и года не те.
И уже седина стыдно молвить — где.
Больше длинных жил, чем для них кровей,
да и мысли мертвых кустов кривей.

Навсегда расstaемся с тобой, дружок.
Нарисуй на бумаге простой кружок.
Это буду я: ничего внутри.
Посмотри на него — и потом сотри.

23. ПЕРЕД ПРЕДЕЛОМ

Мои слова, я думаю, умрут,
и время улыбнется, торжествуя,
сопроводив мой безотрадный труд
в соседнюю природу неживую.
В былом, в грядущем, в тайнах бытия,
в пространстве том, где рыщут астронавты,
в морях бескрайних — в целом мире я
не вижу для себя уж лестной правды.
Поэта долг — пытаться единить
края разрыва меж душой и телом.
Талант — игла. И только голос — нить.
И только смерть всему шитью — пределом.

24. НА ТИТУЛЬНОМ ЛИСТЕ

Ты, кажется, искал здесь? Не ищи.
Гремит засов у входа неизменный.
Не стоит подбирать сюда ключи.
Не тут хранится этот клад забвенный.
Всего и блеску, что огонь в печи.
Соперничает с цепью драгоценной
цепь ходиков стенных. И, непременно,
горит фонарь под окнами в ночи.
Свет фонаря касается трубы.

И больше ничего здесь от судьбы
действительной, от времени, от века.
И если что предполагает клад,
то сам засов, не выдержавший взгляд

пришедшего с отмычкой человека.

25. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

Подтверждается дым из трубы
 стариками, живущими в доме.
 Подтверждается правда судьбы —
 человеком с монеткой в ладони.
 Точно так же движенье души,
 что сродни умолкающей ноте,
 замирающей в общей тиши,
 подтверждает движение плоти.

Так и смерть, растяжение жил, —
 не труды и не слава поэта —
 подтверждает, что все-таки жил,
 делал тени из ясного света.
 Точно так же бросок иль рывок
 подтвержден неотступною тенью.
 Так и жизнь — подтверждает кивок
 в толчее, — человеку — виденью...

26. СОХРАНИ МОЮ ТЕНЬ

Сохрани мою тень. Не могу объяснить. Извини.
 Это нужно теперь. Сохрани мою тень, сохрани.
 За твоею спиной умолкает в кустах беготня.
 Мне пора уходить. Ты останешься после меня.
 До свиданья, стена. Я пошел. Пусть приснятся кусты.
 Вдоль уснувших больниц. Освещенный луной. Как и ты.
 Постараюсь навек сохранить этот вечер в груди.
 Не сердись на меня. Нужно что-то иметь позади.

Сохрани мою тень. Эту надпись не нужно стирать.
 Все равно я сюда никогда не приду умирать.
 Все равно ты меня никогда не попросишь: вернись.
 Если кто-то прижмется к тебе, дорогая стена, улыбнись.
 Человек — это шар, а душа — это нить, говоришь.
 В самом деле глядит на тебя неизвестный малыш.
 Отпустить — говоришь — вознестись над зеленой листвой.
 Ты глядишь на меня, как я падаю вниз головой.

Разнобой и тоска, темнота и слеза на глазах,
 избылье минут вдалеке на больничных часах.
 Проплывает буксир. Пустота у него за кормой.
 Золотая луна высоко над кирпичной тюрьмой.
 Посвящаю свободе одиночество возле стены.
 Завещаю стене стук шагов посреди тишины.
 Обращаюсь к стене, в темноте напряженно дыша:
 завещаю тебе навсегда обуздывать малыша.

Не хочу умирать. Мне не выдержать смерти уму.
 Не пугай малыша. Я боюсь погружаться во тьму.
 Не хочу уходить, не хочу умирать, я дурак,
 не хочу, не хочу погружаться в сознание во мрак.

Только жить, только жить, подпирая твой холод плечом.
 Ни себе, ни другим, ни любви, никому, ни при чем.
 Только жить, только жить и на все наплевать, забывать.
 Не хочу умирать. Не могу я себя убивать.

Так окрикни меня. Мастерница кричать и ругать.
 Так окрикни меня. Так легко малыша напугать.
 Так окрикни меня. Не то сам я сейчас закричу:
 Эй, малыш! — и тотчас по пространствам пустым полечу.
 Ты права: нужно что-то иметь за спиной.
 Хорошо, что теперь остаются во мраке за мной
 не безгласный агент с голубиным плащом на плече,
 не душа и не плоть — только тень на твоём кирпиче.

Изолятор тоски — или просто движенье вперед.
 Надзиратель любви — или просто мой русский народ.
 Хорошо, что нашлась та, что может и вас породнить.
 Хорошо, что всегда все равно вам, кого вам казнить.
 За тобою тюрьма. А за мною — лишь тень на тебе.
 Хорошо, что ползет ярко-желтый рассвет по трубе.
 Хорошо, что кончается ночь. Приближается день.
 Сохрани мою тень.

27. РОССИЯ

Отказом от скорбного перечня — жест
 большой широты в крохоборе! —
 сжимая пространство до образа мест,
 где я пресмыкался от боли,
 как спившийся кравец в предсмертном бреду,
 заплатой на барское платье,
 с изнанки твоих горизонтов кладу
 на подвижность эту заклатье!

Проулки, предместья, задворки — любой
 твой адрес — пустырь, палисадник, —
 что избрано будет для жизни тобой,
 давно, как трагедии задник,
 настолько я обжил, что где бы любви
 своей ни воздвигла ты ложе,
 все будет не краше, чем храм на крови,
 и общим бесплодием схоже.

Прими ж мой процент, разменяв чистоган
 разлуки на брачных голубок!
 За лучшие дни поднимаю стакан,
 как пьет инвалид за обрубок.
 На разницу в жизни свернув костыли,
 будь с ней до конца солидарной:
 не мягче на сплетне себе постели,
 чем мне на листе календарной.

И мертвым я буду существенней для
 тебя, чем холмы и озера:

не большую правду скрывает земля,
чем та, что открыта для взора!
В тылу твоём каждый растоптанный знак
воспрянет, как петел ледащий.
И будут круги расширяться, как зрак —
вдогонку тебе, уходящей.

Глушеною рыбой всплывая со дна,
кочуя, как призрак, по требам,
как тело, истлевшее прежде рядна,
так тень моя, взапуски с небом,
повсюду начнет возвещать обо мне
тебе, как заправский мессия,
и корчиться будет на каждой стене
в том доме, чья крыша — Россия.